

УДК/UDC 347.1

Принцип презумпции добросовестности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей

Нагимулина Камила Андреевна

студент юридического факультета

Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина

г. Краснодар, Россия

e-mail:ubakaevak@mail.ru

Аннотация

В данной статье автором рассматриваются различные вопросы соотношения презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений и гражданско-правового принципа добросовестности. Одной из базовых категорий гражданского права является «добросовестность», которая была известна еще римскому праву. Она используется при определении порядка взаимодействия двух и более субъектов. В отношении отраслей, связанных с частным правом, добросовестность достаточно подробно исследована, однако в публичном праве понятие «добросовестность» в качестве предмета исследований практически не избиралось. В рамках статьи проводится анализ сферы применения рассматриваемой презумпции. В контексте вопроса действия презумпции добросовестности обращается внимание также на презумпцию добросовестности налогоплательщиков; выдвигается тезис о наличии связи между презумпцией добросовестности участников гражданских правоотношений и участников публичных правоотношений, на основании чего отмечается необходимость рассмотрения презумпции добросовестности с позиции межотраслевых принципов.

Ключевые слова: принцип, презумпция, добросовестность, публичные правоотношения, гражданские правоотношения.

Legal status of participants in the real estate market in Russia

Nagimulina Kamila Andreyevna
student of the Faculty of Law
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia
e-mail:ubakaevak@mail.ru

Abstract

In this article, the author examines various issues, the ratio of the presumption of good faith of participants in civil relations and the civil law principle of good faith. One of the basic categories of civil law is "good faith which was already known to Roman law, it is used to determine the order of interaction between two or more subjects. In relation to the branches associated with private law, good faith has been studied in sufficient detail, however, in public law, the concept of "good faith" was practically not chosen as a subject of research. The article analyzes the scope of the presumption in question. In the context of the question of validity of the presumption of good faith, attention is also drawn to the presumption of good faith of taxpayers; the thesis is put forward about the existence of a connection between the presumption of good faith of participants in civil legal relations and participants in public legal relations, on the basis of which the need to consider the presumption of good faith from the standpoint of intersectoral principles is noted.

Key words: principle, presumption, good faith, public relations, civil relations.

Несмотря на то, что категория добросовестности неоднократно становилась предметом цивилистических исследований, многие вопросы, связанные с ее пониманием, продолжают оставаться спорными. Среди них соотношение презумпции добросовестности с принципом добросовестности. В то же время анализ административной реформы последних лет свидетельствует о достаточно широком использовании категории «добросовестность». При этом заимствование данного принципа для публично-правовых отношений не может быть применено без учета их специфики.

С 1 марта 2013 г. добросовестность получила свое закрепление в ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ) также в качестве принципа гражданского права [1]. Одновременно с этим достаточно широкое освещение приобрела позиция, согласно которой добросовестность следует относить к принципам-презумпциям. В числе доводов, указывающих на необходимость разграничения презумпции добросовестности и принципа добросовестности, следует отметить их различную функциональную принадлежность. Принципам права принадлежит роль прямого регулирования общественных отношений, при этом презумпции — это вероятностные опровержимые предположения о фактах, основанных на закономерной взаимосвязи между имеющимся фактом и предполагаемым.

Однако можно сделать вывод, что любая презумпция является по природе своей принципом, целью которого является разрешение конкретной ситуации неопределенности. По мнению М. П. Прониной, для регулирования общественных отношений презумпции имеют как прикладное, так и техническое функциональное значение; их регулятивная функция проявляется в случаях, когда презумпции являются принципами права [2].

На наш взгляд, презумпцию добросовестности в равной мере возможно интерпретировать и как предположение извинительного незнания определенным лицом каких-либо фактов и обстоятельств (предположение субъективной добросовестности), и как предположение того, что участники гражданских правоотношений соблюдают принцип добросовестности, т. е. действуют добросовестно при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и исполнении гражданских обязанностей (предположение объективной добросовестности).

Разъяснение Верховного Суда Российской Федерации (далее по тексту — ВС РФ) по вопросу категории «добросовестности» содержится в Постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации». В частности, в постановлении указывается

ется, что, оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в т. ч. в получении необходимой информации; после чего, признав норму п. 5 ст. 10 ГК РФ общим правилом, Верховный Суд подчеркнул, что по данному правилу разумность и добросовестность участников гражданских правоотношений и их действий предполагаются, пока не доказано иное [3]. При этом закон различает два вида незаконного владения чужой вещью: добросовестное владение и недобросовестное владение. При добросовестном владении фактический владделец вещи не знает и не должен знать о незаконности своего владения. Следует учесть, что при этом действует презумпция добросовестности участника гражданских правоотношений, предусмотренная п. 5 ст. 10 ГК РФ [4].

Одним из векторов развития принципа добросовестности стало расширение сферы его применения в публично-правовых областях, таких как административное право и право государственного управления, налоговое право. Одним признаков публично-правовых отношений является отсутствие равенства участников. Таким образом, рассматривая категорию добросовестности в публичной сфере правоотношений, необходимо проанализировать принцип добросовестности в рамках публично-правовых отношений, основными среди которых являются индивидуальные предприниматели или организации, вступающие во взаимодействие с органами власти [5]. Изучая вопрос презумпции добросовестности в российском праве, следует отметить, что в сфере налоговых отношений также действует презумпция добросовестности налогоплательщиков [6], в частности, согласно ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации все неустранимые сомнения, противоречия и неясности актов законодательства о налогах и сборах толкуются в пользу налогоплательщика. Принимая во внимание близкую связь налоговых и гражданско-правовых отношений, на наш взгляд, можно сказать об имеющейся взаимосвязи категорий добросовестности между отраслями.

По нашему мнению, следует обратить внимание на мнение М. Ю. Челышева, который указывал, что, находясь в рамках единой системы права, системной связи презумпции добросовестности участников гражданских правоотношений с презумпцией добросовестности налогоплательщиков, будет логичным предполагать, что добросовестный участник гражданско-правовых отношений является и добросовестным налогоплательщиком [7].

Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», кроме прямого закрепления прав лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, содержит в ст. 3 принципы защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Одним из важнейших принципов является презумпция добросовестности субъектов предпринимательства. Презумпция добросовестности устанавливает хозяйствующий субъект в качестве разумного и порядочного участника предпринимательской деятельности, надзор в отношении которого направлен на устранение или пресечение возможных нарушений [8]. Следует отметить, что данная презумпция является опровержимой, поскольку добросовестность субъекта предпринимательства может быть опровергнута путем зафиксированных грубых нарушений законодательства.

Презумпция добросовестности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей названа в качестве одного из основных принципов защиты прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора). Его применение говорит о том, что действия юридических лиц и индивидуальных предпринимателей должны расцениваться как добросовестные, т. е. соответствующие законодательству, общепринятой практике, обычаям, пока уполномоченными органами не доказано обратное. Таким образом, презумпция добросовестности приводит к заключению, что отношения, складывающиеся между уполномоченным органом и субъектом предпринимательства в пределах проверки его деятельности, представляют со-

бой не обвинительный процесс, а взаимодействие в рамках проведения проверки для помощи юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, т. к. последняя помогает выявить вероятные нарушения, которые могут отразиться отрицательным образом на эффективности его предпринимательской деятельности [9].

Таким образом, развитие презумпции добросовестности субъекта предпринимательства будет способствовать улучшению правовой обстановки в России за счет изменения отношения публичных органов к хозяйствующим субъектам, равно как и изменения отношения организаций и индивидуальных предпринимателей к уполномоченным органам, поскольку такая презумпция является опровержимой и добросовестное поведение находится в интересах самого хозяйствующего субъекта.

Учитывая изложенное, можно прийти к выводу, что презумпцию добросовестности на современном этапе следует рассматривать с более широких, межотраслевых позиций, называя ее при в данном случае презумпцией добросовестности субъектов гражданского оборота. Традиционная для частного права категория добросовестности активно проникает в сферу публичного права. При этом применение ее в публично-правовых отношениях связано с определенной трансформацией ее содержания. При осуществлении государственного надзора как отражения взаимодействия граждан и организаций с публичной властью категория добросовестности приобретает качественно новые значения.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации Часть первая: от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Виниченко Ю. В. О презумпции добросовестности в российском праве // Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 285–301.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.
4. Негишинская Л. Ф. Проблемы ответственности в гражданском праве: учеб. пособие. Краснодар: КубГАУ. 2020. 88 с.

5. Дашин А. В., Сальников С. П. Современная отечественная юридическая наука и «обычное право» // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 8. С. 49–59.

6. Очаковский В. А., Усенко А. С. К вопросу об установлении сбора за интернет-покупки в России // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 118. С. 376–385.

7. Гришковец А. А. Административная реформа: истоки, современное состояние, перспективы // Труды Института государства и права Российской академии наук. № 2. 2020. С. 135–157.

8. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 Ст. 6249.

9. Анциферова Э. Ю. Принципы разумности, добросовестности и справедливости как основополагающие категории частного права // Вестник Марийского государственного университета. 2016. № 2 (6). С. 42–46.

References:

1. Civil Code of the Russian Federation Part One: dated November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.

2. Vinichenko Yu. V. On the presumption of good faith in Russian law // Humanities. 2018. No. 2. Pp. 285–301.

3. On the application by the courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2015. No. 8.

4. Netishinskaya L. F. Problems of responsibility in civil law: textbook. allowance. Krasnodar: KubGAU. 2020. 88 p.

5. Dashin A. V., Salnikov S. P. Modern domestic legal science and "customary law" // Legal science: history and modernity. 2016. No. 8. Pp. 49–59.

6. Ochakovsky V. A., Usenko A. S. On the issue of establishing a fee for online purchases in Russia // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. 2016. No. 118. Pp. 376–385.

7. Grishkovets A. A. Administrative reform: origins, current state, prospects // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. No. 2. 2020. Pp. 135–157.

8. On the protection of the rights of legal entities and individual entrepreneurs in the exercise of state control (supervision) and municipal control: Federal Law of December 26, 2008 No. 294-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. No. 52 Art. 6249.

9. Antsiferova E. Yu. Principles of reasonableness, conscientiousness and justice as fundamental categories of private law // Bulletin of the Mari State University. 2016. No. 2 (6). Pp. 42–46.